

Елена ЗАХАЖЕВСКАЯ
г. Пудож, Республика Карелия

Письмо в настоящее

Эпистолярный жанр уходит в прошлое. Мы почти разучились писать письма. А написать письмо с использованием диалектной лексики и того труднее. Почему – спросите вы? Во-первых, потому, что диалектный язык почти полностью утрачен – с каждым днём всё меньше его носителей живёт на земле. Во-вторых, он выскоблен школьным образованием: ребёнка с 1-го класса учат литературной речи, и «бабушкины» слова оказываются лишними в новом глобальном мире. В-третьих, для носителя диалектного языка трудно определить, отделить от других слов диалектное. Трудно ещё и потому, что диалектный язык – язык устный. Ну да ладно, где наша не пропадала!

Любое письмо начинается приветствием. По-пудожски это, наверное, будет так: «Здравствуйте, крещёные, здравствуйте, бажёные!» Напишука я письмо о далёком, о невозвратном, о незабытом...

Язык непосредственно связан с мышлением, с идентификацией себя в культурном пространстве. Первым учителем живого русского языка была для меня моя бабушка – Демидова Мария Афанасьевна, коренная жительница пудожского

края. Наша деревенька в 4 дома называлась Малые Кривцы. Там прошло моё раннее детство. Потом все уедут из деревни, и мы с бабушкой будем ходить туда просто так (бабушка говорила: «Надо сбродить на Горю» – раньше деревня стояла на горе, звалась Стегайловой Горой, потом сгорела) – сходить, чтобы долго молча постоять у одиноких берёз, посмотреть с горы на любимый островок на реке, помянуть земляков. Потом будут школа и университет, потом будут подшучивать над моими «деревенскими» словами и будет очень хотеться поскорее приехать домой, к бабушке, чтобы вновь слушать и говорить на своём особенном пудожском языке. А потом, потом не станет бабушки и постепенно будут уходить из памяти тёплые, родные слова. И однажды обожёт сердце случайно услышанное оброненное ученицей: «Ой, я чай спружила!»

Как часто память уносит меня в тот далёкий невозвратный мир. В избе натоплено и полутемно – нет электричества. За столом собралась вся большая семья, где я – восьмая и самая маленькая. Бабушка достаёт ухватом из печи чугунок с парным молоком. На столе дымится жарёха. Для

внуки (для меня) бабушка варит любимый молочный кисель с маслом и крохами сушеного сыра. В семье уважительно относились к еде, было не принято кусочничать. Когда кто-то из детей пытался успеть раньше других ухватить что-нибудь вкусненькое и съесть всухомятку, бабушка ругалась: «Робята! Вы как с голодной лядины!» Эта непонятная лядина путалась в моей голове с дедовой лядиной – местом, с которого дед приносил домой целые кошелы волнух, и я представляла какую-то лесную глухомань, где почему-то сидел голодным мой дед.

Нет ничего лучше таких вечеров, когда миновали уже все летние и осенние хлопоты, замётано в стога сено, убрана в подпол картошка, затупаны окна. Темнеет рано, и в темнях все рано забираются спать. Я устраиваюсь получше на русской печке и жду длинных, как эти зимние ночи, бабушкиных сказок про Ивана-царевича и Серого волка, про Василису Прекрасную. Всё уже было слышано сто раз, но хочется снова и снова разгадывать с Иваном-царевичем хитрые загадки Бабы Яги, жалеть съеденного волком коня, переживать за непутёвого героя, позарившегося на запретную жар-птицу. Потом в школе сказки будут казаться мне не такими интересными, как услышанные на тёплой печи в уснувшей деревне, где за огородом порой бродили самые настоящие, несказочные серые волки.

Каждый вечер я увязывалась за бабушкой ладить корову. Бабушка терпеливо кутала меня в сетку – большой вязаный платок, который перехватывал грудь и завязывался за спиной, отрезала мне ломтики хлеба, брала с собой. В полутёмном тёплом хлеву лобондает колоколом корова, мярандает, выпрашивая у бабушки краюшку хлеба. «Неймётся-то тебе, пусть питьё охолонет», – говорит бабушка, а я протягиваю корове ломоть. Она аккуратно берёт его, неторопливо пережёвывающая и глубоко вздыхая. Пока бабушка доит корову, я кормлю овец – вытаскиваю из тучака клочки сена и пропихиваю их между пряслами стойки. Овцы суетятся, громко блеют, требуя свою долю.

Людей в деревне жило немного, общались, помогали друг другу. Нравилось мне, когда к нам заглядывали в гости соседи, особенно маленькая добрая бабушка Наталья. Приходила, когда топили байну, помыться, в головы посмотреть, просто побеседовать. Она жила одна в маленькой избе на краю деревни, и мы для неё уже стали почти родственниками.

За зимой наступала весна с капелями и лужами на дорогах, а там и лето не за горами. В мае мы со старшими ребятами отправлялись встре-

чать весну. Выстать в этот день надо было рано. «Куда с утра пойдено? В лисья-то далеко не ходите!» – приговаривала бабушка, собирая нас. Ходили недалеко: сосновый бор Коестров был за околицей и школьным огородом. Рядом, в Сеноброде (ручье,) громко кричали утки, а в бочагах по обе стороны дороги квакали лягушки. В котомках по праздничному случаю лежали сахар, куски драчёнки и хлеб. В бору мы собирали сушняк и в ложбинке разводили костёр и грели чай.

В конце мая коров уже выпускали на ухोजье. Пастух по утрам торопил хозяек. Бабушка, спохватившись, суетилась, торопила корову: «Пошла, пошла, бажёная! Поди с богом». Летом заготавливали веники для байны (брали только гладышный лист), сушили травы: дикий рябинник (пижму), прокиво (крапиву), вагулу (таволгу). Бабушка любила и просто собирать цветы. «Смотри, какой баской листышек у серебрянки, в воду опустишь – серебрится», – рассказывала она.

Самым хлопотным делом был сенокос. Рядом было много полей, но все они принадлежали совхозам, а жителям надо было косить за тридевять земель. Мне эти «тридевять земель» очень нравились: добираться туда надо было на моторке по Водле-реке до самой Сумареки, а то и дальше. Взрослые почему-то нервничали, спорили, переживали. Бабушка ругалась на молодёжь: «Коли думно косить, так нап было выстать с утра пораньше!» Наконец все усаживались в большую смолёную лодку, укладывали калгачи, вилы, грабли и отправлялись вверх по реке. По берегу за лодкой мчался Полкан – большой чёрный с белыми пятнами пёс. «Катит-то как!» – восклицала бабушка.

Наконец лодка упиралась в мягкий песчаный берег. Высаживались, и каждый брался за своё дело. Я сначала бегала по прокосьям и собирала цветы, потом по краям поляньев отыскивала обабки и маслята, собирала киселику и чернику. Нравилось смотреть, как косят: трава ложилась ровными широкими прокосьями. Время от времени дед или бабушка брали осёлок и точили косы ловкими быстрыми движениями. Когда трава подсыхала, начинали шевелить и грабить сено. Когда все уже уставали ворошить недосохшее сено, бабушка приговаривала: «Сено на граблях сохнет» и рассказывала историю, как городская неумёха, не понимая поговорки, поднимала клочок сена на грабли, да так и стояла, пока оно не высохнет.

Для меня находилась работа, когда сено стоговали: подсаживали на стог, и я, держась за острамину, ходила вокруг неё, утапывая сено. Это

было и весело, и страшно. Особенно было страшно спускаться, держась за вилы. А взрослые ещё подшучивали, не оставят ли меня на стогу. Я быстро смекала, что пора жаловаться на них моей заступнице – бабушке, а она грозила: «Ну, греховодники, не уймись, так я возьму батог, недолго отхожу батогом-то». Я представляла, как бабушка гоняет всех батогом, и мне уже было не страшно, а смешно. Она ругалась, но совсем не сердито: «Что ж ты такая неслухмяная, набьешь брату!» – поговаривала она, хотя я, очень упрямая, никогда не получала от бабушки «берёзовой каши». А когда её по-прежнему не слушались, продолжали своё, добавляла: «Хоть кол на голове теши!»

Наконец стог поставлен. Дед вырубал ещё несколько черёмушин, чтобы укрепить его, а парни бежали к реке и успевали выловить несколько рыбин, чистили их, оставив на камне серебристый склёск, бабушка очищала оставшиеся картошины, складывая плюсни в костёр. Варили и ели уху, собирались домой. Волчком крутился Полкан, норовя попасть в лодку, чтобы не бежать опять берегом. Мы с бабушкой жалели его и просили деда: «Полканко-то в лодку даётся, напозвать». И дед иногда соглашался на лишнего пассажира.

Как не хватает мне сегодня этих тёплых и простых бабушкиных слов! Услышанные случайно, они берегут душу, отзываясь в сердце томительной печалью. Это утрата не только моя. Это невосполнимая утрата и для истории моей земли.

Историческая память народа не может существовать без его языка. Утрачивая родной язык, мы теряем память и связи с прошлым, а без прошлого нет настоящего. Мне кажется, что великая русская культура не сможет развиваться, растеряв роднички малых культур, с которых и начинается Родина, как великая река не может быть полноводной без малых рек и ручьёв, питающих её.

В конце письма принято прощаться и подписываться.

Будьте здоровы, бажёны!
Берегите себя, своих близких
и нашу родную речь.

С уважением Елена Захажевская

Елена Владимировна ЗАХАЖЕВСКАЯ (Зиновьева)

родилась в Пудоже.

Окончила историко-филологический факультет

Петрозаводского государственного университета,

работала учителем русского языка и истории на Валааме,

сейчас – учитель истории в Пудоже.

В журнале «Север» публикуется впервые.

